

Самым ужасным падениемъ человѣческимъ представляется намъ, когда человѣкъ опустится до ночлежки, какая изображена въ послѣдней драмѣ М. Горькаго.

И въ самомъ дѣлѣ, кажется, что болѣе глубокаго „дна“, чѣмъ эта ночлежка, и быть уже не можетъ.

Однако, открывається, что возможно и большее еще „дно“, что ночлежкамъ это еще не предѣлъ человѣческаго паденія.

Люди могутъ опуститься не только до ночлежки, но и до... городскихъ свалокъ навоза.

Оказывается, что въ Москвѣ (въ одной ли только Москвѣ?) есть люди, которые, не имѣя пристанища, ночуютъ зимою на свалкахъ, закапываясь по шею въ навозъ:

Рус. Листокъ, сообщающій объ этомъ, говоритъ:

Несмотря на наступленіе теплаго времени, вы можете и теперь любоваться картиной людей, зарытыхъ въ навозъ, преимущественно за Спасской за тавой.

Когда морозы сильны, и ночлежные дома переполняются, вызываемая же холодами безработица выбрасываетъ на улицу массу людей, число ночующихъ на „свалкахъ“ нередко достигаетъ до 200 чел.

Къ навозу прибѣгаютъ, какъ къ естественному, надежному, а главное, совершенно бесплатному источнику тепловой помощи.

Кажется, до сихъ поръ еще эти своеобразные притоны, заставляющіе вспомнить знаменитыя слова Лира при видѣ бѣдняка Тома, не фигурировали въ литературѣ. Только въ рассказѣ покойнаго Каронина: „На границѣ человѣка“ выступали босяки, живущіе подъ открытымъ небомъ, но и то лѣтомъ.

А между тѣмъ, вѣроятно, и въ этой ужасной обстановкѣ человѣкъ остается человѣкомъ: происходятъ и сцены любви, и ревности, и мечты, и разочарованія, какъ среди прокаженныхъ въ прелестномъ рассказѣ Вацлава Сѣрошевскаго: „Предѣлъ скорби“.

Этотъ „предѣлъ скорби“ Сѣрошевскій нашелъ въ глухой якутской тундрѣ, но его можно отыскать и въ центрахъ цивилизаціи. Даже, пожалуй, прокаженные въ тундрѣ живутъ лучше, чѣмъ люди на свалкахъ.